

Наука и Третий рейх: борьба за ресурсы*

М.Ю.Сорокина

25 мая 1945 г. президент Академии наук СССР В.Л.Комаров получил из Берлина телеграмму под грифом «Только Комарову». В ней говорилось: «Старший геолог ВСЕГЕИ (Всесоюзного геологического института. — М.С.) член-корреспондент Академии наук Залесский Михаил Дмитриевич освобожден Красной Армией из плена находится Берлине районе Шенеберг улица Бамбергер дом 31 просит ускорить возвращение родину Матвеев» [1; Л.22].

О том, что выдающийся русский палеоботаник и член-корреспондент АН СССР вывезен в нацистскую Германию, в Академии наук узнали в сентябре 1943 г., когда в период освобождения города Орла, где жил ученый, его родные и знакомые стали просить Академию выяснить судьбу Залесского. Обстоятельства этого необычного случая, который по понятным причинам в дальнейшем никогда не упоминался в советской печати, были изложены в письме профессора И.В.Палибина вице-президенту АН СССР академику Л.А.Орбели 21 декабря 1943 г.: «Во время вражеской оккупации города к Михаилу Дмитриевичу

Марина Юрьевна Сорокина, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Архива Российской академии наук. Занимается социальной историей российской науки, в частности мемуарным и эпистолярным наследием В.И.Вернадского, С.Ф.Ольденбурга и многих других выдающихся исторических деятелей близкой нам эпохи. Неоднократно публиковалась в «Природе».

Залесскому явился какой-то немецкий генерал с целью ознакомления с его работами. <...> Осмотрев его лабораторию по изучению ископаемой флоры, генерал признал его работу интересной и тут же распорядился, чтобы все материалы и научное ценное оборудование Михаила Дмитриевича Залесского были уложены и отправлены его дочери в Берлин, что немедленно было исполнено его солдатами. Во время эвакуации немцев из Орла профессор Залесский был угнан в плен с остальным населением города. Это произошло около 24—26 июля с.г.» [2; Оп.116. Д.326. Л.8]. В конце

письма профессор Палибин просил академическое руководство «изыскать способы розыска и освобождения профессора Залесского из немецкого плена путем международных переговоров с немецкими властями».

По распоряжению академика Орбели это письмо было переправлено директору Института права АН СССР академику И.П.Трайнину, а им — в Чрезвычайную государственную комиссию по расследованию нацистских преступлений и Народный комиссариат иностранных дел. Судьба Залесского, о которой я расскажу ниже, оказалась счастливой, и летом

* Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного Фондом Г.Хенкель (Германия).

1945 г. он благополучно вернулся на родину. Между тем для истории отечественной науки военная одиссея ученого весьма значима и приоткрывает некоторые совершенно неизвестные страницы жизни российского научного сообщества в условиях столкновения сталинского и гитлеровского режимов.

* * *

В западной социальной истории науки существует целое направление, занимающееся изучением последствий второй мировой войны и практики использования научных институций и кадров тоталитарными режимами, прежде всего нацизмом. Но в России многие историко-научные темы, важные для понимания реальной, а не мифологизированной или идеологизированной на партийный манер истории российской науки в годы войны, до сих пор остаются фигурой умолчания.

За прошедшие полвека историки много писали о значительном идеологическом и технологическом вкладе советских ученых в победу над гитлеровским режимом. В последнее десятилетие благодаря интенсивному исследованию таких ранее «закрытых» тем, как история атомного проекта, использование в СССР в предвоенные годы европейской и американской научно-инженерной мысли, а также интеллектуальных ресурсов западных ученых-эмигрантов (физиков, биологов, медиков и др.), оказавшихся в СССР до и после прихода к власти Гитлера в 1933 г., представление о роли советской науки в годы войны получило существенные уточнения. Однако наши знания о том, что (и кого) потеряла и что (и кого) приобрела отечественная наука в ходе второй мировой войны, остаются крайне фрагментарными. Нет определенных представлений и о том, как и в какой мере непосредственные, ожившие после изоляции второй половины 30-х годов контакты советских

ученых с союзниками, а также непосредственное соприкосновение с работавшими на нацистов германскими коллегами повлияли на развитие мировой и отечественной науки.

В рамках этих вопросов история Залесского примечательна во многих отношениях. Во-первых, незауряден сам факт вывоза во время войны в Германию ученого столь высокого ранга, как член-корреспондент Академии наук СССР. Остался ли «случай Залесского» единственным или были и другие подобные примеры? Каковы вообще масштабы естественной, вынужденной и насильственной миграций ученых в военные годы и какое значение они имели для развития науки и научного общества в послевоенные годы?

Из-за отсутствия базовых количественных данных достоверно ответить на эти вопросы сегодня едва ли возможно: ведь до сих пор даже в РАН нет ни полного мартиролога человеческих потерь Академии в годы войны, ни более или менее точного списка сотрудников, репрессированных в годы сталинизма. Тем более остается неизвестным, сколько советских ученых (и по каким причинам) оказалось на постоянной или временной работе в Германии (вывезены в принудительном порядке или поехали добровольно), что происходило с научными коллективами (вузами, институтами, лабораториями, музеями и т.п.), не успевшими эвакуироваться и оставшимися на оккупированных территориях, сколько ученых и с какой мотивацией ушло (или вывезено) к союзникам. И наконец, сколько специалистов было арестовано и погибло в застенках НКВД во время войны по обвинению в шпионаже или вредительстве и после войны по обвинению в коллаборационизме? Разумеется, поставленные вопросы фактически представляют собой программу исследований на многие годы вперед. Цель настоящей статьи лишь обозна-

чить круг упомянутых проблем и представить некоторые материалы к их изучению.

* * *

Почти всю жизнь палеоботаник Михаил Дмитриевич Залесский провел в Орле. Здесь он родился 3 сентября 1877 г. в семье потомственного дворянина, акцизного чиновника Дмитрия Ивановича Залесского. Химик по образованию, ученик А.М.Бутлерова и друг В.В.Дочуцаева, отец сформировал основные научные интересы сына, и, когда последний в 1896 г. окончил Орловскую классическую гимназию, выбор учебного заведения был однозначен — естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. После окончания университета, недолгой работы ассистентом по геологии и палеонтологии в Екатеринбургском высшем горном училище и изучения палеоботанических коллекций в Англии и Франции, в 1903 г. по инициативе академика Ф.Н.Чернышова Залесский избрали помощником геолога Геологического комитета в Петербурге, в котором он прослужил до 1938 г., пережив все многочисленные реорганизации этого известного исследовательского учреждения.

С 1918 г. Залесский жил в Орле и только временами наезжал в Петроград. В провинциальном губернском городке было значительно спокойнее и сытнее, чем в революционных столицах, и сюда в годы гражданской войны съехались многие ученые: здесь в Пролетарском (позднее — Государственном) университете преподавали востоковед, в будущем академик, Н.И.Конрад и выдающийся филолог и философ М.М.Бахтин, а М.Д.Залесский возглавлял физико-математический факультет в 1920—1922 гг.

В Орле ученому удалось создать себе такое «рабочее место», которому мог позавидовать любой палеоботаник самых

крупных научных центров Европы*. В своей орловской квартире Михаил Дмитриевич собрал первоклассные научные коллекции и препараты, изготовленные им самим из ископаемых растений. В его распоряжении была прекрасная библиотека, современные оптические и фотографические инструменты для съемки ископаемых образцов. Жена ученого — Александра Романовна Ялова — была прекрасной рисовальщицей и помогала иллюстрировать работы мужа по анатомии растений. Весь спартанский образ жизни Залесских, у которых росли четверо сыновей**, был полностью сосредоточен вокруг научной работы Михаила Дмитриевича.

В то же время Залесский отнюдь не был кабинетным исследователем, он постоянно участвовал в различных геологических экспедициях, изучая и описывая каменноугольную и пермскую флору Кузбасса, Донецкого бассейна, Янтайских копей в Маньчжурии, Нарынтау в Средней Азии и многих других мест. Самый крупный русский палеоботаник своего времени, Михаил Дмитриевич установил 1070 новых видов и 395 новых родов палеозойской флоры; он первый в России вывел палеоботанику из чисто описательной фазы, широко введя сравнительно-анатомический метод анализа ископаемых растений. Много внимания Залесский уделял и изучению ископаемых насекомых — отрасли, до его работ почти неизвестной в России, и с полным правом он может считаться основателем палеоэнтомологии в СССР.

Научные заслуги Залесского получили широкое признание за рубежом: он был избран членом-корреспондентом и иностранным

корреспондентом геологических обществ Великобритании, Бельгии и Франции, энтомологических обществ Франции и Великобритании. В 1929 г. и АН СССР избрала ученого своим членом-корреспондентом.

Одной из причин орловского затворничества Залесского были его резкие расхождения с коллегами по научному цеху, которые проявлялись буквально во всем — от образа жизни до научной методологии. Новая, советская действительность была глубоко чужда ученому, воспитанному в традициях православия, разделявшему высокие европейские стандарты научной акрибии*** и имевшему обширные западные связи. Неудивительно, что характеристика Залесского, данная администрацией Центрального научно-исследовательского геологоразведочного института (ЦНИГРИ), к которому он был «приписан» в 30-е годы, гласила: «В общественной жизни института участия совершенно не принимает» [1; Л.15].

Требовательность и острая критичность по отношению к научной продукции — равно собственной и чужой — осложняли отношения с коллегами. Отказываясь в 1937 г. выступить в дискуссии по проблемам пермской системы, Залесский утверждал, что для их решения у советских геологов «нет достаточных данных, кроме голых утверждений того или другого рода. <...> Выступлю только при иностранцах, где будут люди с достаточными фактами в руках и опытом. Наливкин**** ничего не может сказать по названной теме большего, чем сказал он в объяснительной записке к геологической карте Урала. Он и его компания хотят вызвать меня на дискуссию для того, что-

*** От греч. «точность».

**** Наливкин Дмитрий Васильевич (1889—1982) — геолог и палеонтолог, член-корреспондент (1933), академик (1946) АН СССР. Сотрудник ЦНИГРИ, с 1937 г. главный редактор мелкомасштабных геологических карт СССР.

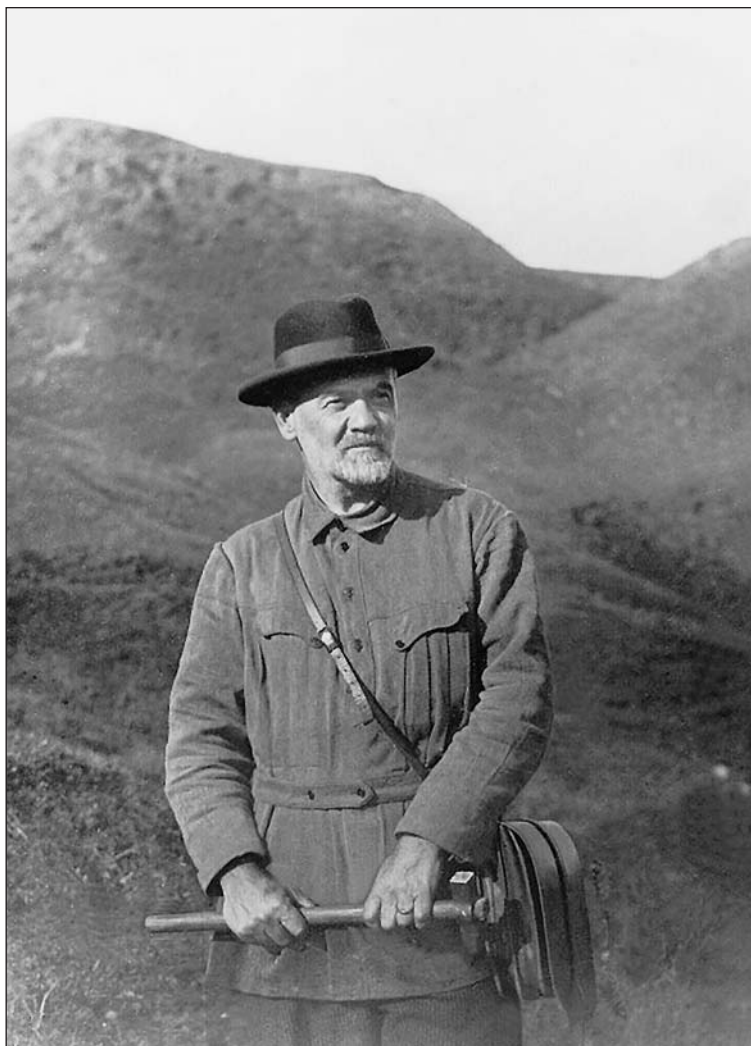
М.Д.Залесский — студент Петербургского университета.

бы воспользоваться ею для того, чтобы не пустить меня сделать доклад на конгрессе» (письмо М.Д.Залесского Е.Ф.Чирковой от 26 января 1937 г.) [3; Л.11].

Строгость обращения с эмпирическими данными как обязательное требование для установления научной истины сочеталась у Залесского с православным мировоззрением. Глубоко религиозный человек, он не только в быту следовал всем канонам православной традиции, но занимался изучением и даже созданием богословских трудов: так, в одном из писем он сообщал, что после смерти жены «написал трактат о загробной судьбе человека по свидетельству Евангелий, апостольских посланий и Откровения Иоанна» (письмо М.Д.Залесского Е.Ф.Чирковой от 22 июня 1945 г.) [3; Л.453 об]. Разумеется, эта сторона напряженной духовной жизни ученого никогда не афишировалась, тем более что довоенный Орел причудливо сочетал в себе место политической ссылки для питерских ученых, тюремного заключения подлинных и мнимых участников сталинской партийной оппозиции и круп-

* В настоящей статье использованы сведения, собранные Е.Ф.Чирковой для биографии М.Д.Залесского (АРАН. Ф.1663. Оп.1. Д.92).

** Сын Всеволод умер 11-летним, Юрий стал палеоэнтомологом, Дмитрий — ботаником, Ростислав погиб в 1943 г. около Пулкова.

В экспедиции. Предвоенные годы.

ного религиозно-сектантского центра*. Здесь во второй половине 30-х находились в ссылке известные ленинградские востоковеды: иранист-филолог Ксения Дмитриевна Ильина и ее супруг, исследователь и переводчик арабской и персидской поэзии Василий Александрович Эберман, китаевед Мария Петровна Лаврова. В знаменитом Орловском центре сидела большая группа осуж-

* Так, в частности, город издавна был одним из центров «имяславия» — религиозного движения, утверждавшего мистическое присутствие Бога в самом имени Божием, учения, отвергнутого православной церковью (и называвшегося оппонентами «имябожеской ересью»).

денных по 58-й статье коминтерновцев и военных, а также Христиан Георгиевич Раковский, профессор-медик Дмитрий Дмитриевич Плетнев, Мария Спиридонова, Ольга Давыдовна Каменева (жена Л.Б.Каменева и сестра Л.Д.Троцкого), Варвара Николаевна Яковлева; большинство из них было расстреляно НКВД при приближении немцев 11 сентября 1941 г. в Медведевском лесу. По-видимому, тогда же и там же был расстрелян обвиненный во вредительстве член-корреспондент АН СССР Борис Васильевич Нумеров, основатель и первый директор ленинградского

Института теоретической физики АН СССР.

Всю вторую половину 30-х годов Орловщину сотрясали массовые политические репрессии, одним из организаторов которых стал начальник Управления НКВД области Пинхус Симановский. В 1937—1938 гг. по его указанию был сфальсифицирован ряд крупных политических дел, по которым во второй половине 1937 г. на территории области были арестованы и осуждены более 17 тыс. человек. Благодатной питательной почвой для фальсификации «антисоветских организационных структур» явилась орловская церковно-сектантская среда. Только 2 декабря 1937 г. в урочище Липовчик, что в нескольких километрах от Ливен, были расстреляны 33 священника русской православной церкви. Стоит ли удивляться, что летом 1943 г., еще до освобождения Орла от немецко-фашистских оккупантов, по свидетельству академика-хирурга Н.Н.Бурденко, «все служители культа покинули город» [2; Оп.37. Д.10. Л.46].

* * *

Нацисты задействовали обширную программу сбора по всему миру различных видов научных ресурсов, использование которых имело стратегическое научное и прикладное значение для Германии. Еще в довоенные годы специалисты самых различных имперских ведомств занимались интенсивным мониторингом научных учреждений мира, а международные научные связи широко использовались немецкими, как, впрочем, и всеми другими спецслужбами в качестве инструмента шпионажа. Например, по сведениям известного историка медицины М.Хубеншторфа (M.Hubenstorf), секция внешней политики Врачебной палаты рейха представляла собой не что иное, как своеобразное медицинское разведывательное агентство, имевшее пять секто-

ров-направлений, одно из которых охватывало регион СССР—Восточная Европа—Турция и курировалось микробиологом, бывшим сотрудником Института по изучению инфекционных болезней им. Роберта Коха в Берлине Райнером Ольшей (Reiner Olzscha).

Перед нападением на СССР некоторые немецкие микробиологи (часть из них в 20—30-е годы работали в советских микробиологических институтах, а затем внимательно следили за публикациями советских микробиологических и бактериологических институтов и станций) подготовили для германского военного командования немало аналитических материалов, характеризовавших уровень и потенциал развития этой дисциплины в СССР, а также эпидемическую ситуацию в стране в целом. Сбор медицинской информации о Советской России, осуществленный в предвоенные годы, обеспечил, с одной стороны, систему профилактических мер для немецкой армии, а с другой — «точечность ударов» немецких «охотников за микробами»: сразу после начала боевых действий специальные зондеркоманды (группы захвата) отправились по вполне конкретным адресам.

Так, одна из них летом 1942 г., после начала немецкого наступления на Северном Кавказе, взяла курс на Ворошиловск (ныне Ставрополь), где находилась знаменитая противочумная станция, возглавляемая вирусологом Магдалиной Петровной Покровской (1901—1980) [4]. Во второй половине 30-х ей удалось вырастить штамм возбудителя, который при введении в кровь и легкие животных (мышей и кроликов) делал их организмы невосприимчивыми к чумному микробу. Еще до войны эта противочумная вакцина с успехом применялась на Северном Кавказе, в Закавказье, Монголии и Китае. Покровской удалось выехать из города и вывезти научные материалы бук-

вально за час до прихода немцев, которые перевернули вверх дном ее квартиру и станцию, разыскивая научную документацию*. Более того, желая привлечь к сотрудничеству советских ученых, они вскоре обратились к оставшемуся персоналу станции с заявлением, что в случае возвращения Покровской и ей, и ее мужу, известному паразитологу, профессору Илье Григорьевичу Иоффе, гарантируются полная безопасность и нормальные условия для жизни и работы. Впоследствии взятые гитлеровцами в квартире Покровской некоторые вещи, фотографии и документы были обнаружены на о. Римс, в Вирусном институте, производившем противоящурные сыворотки и вакцины. Обследованием этого института после войны занимались уже советские микробиологи, в том числе Л.А. Зильбер [5].

Специальные гитлеровские команды по захвату научных ресурсов в СССР действовали не только в поле дисциплин, имевших военное значение. Генеральный «План Ост» предусматривал учет и конфискацию самого разного собственно научного материала на оккупированных европейских и советских территориях — от библиотечных, археологических и этнографических коллекций и архивов для Центра славистических исследований в Польше, собраний топографических карт, «стеклянных библиотек» (снимков неба) до генного растительного и животного материала, коллекций почв, геологических и минералогических образцов, штаммов возбудителей болезней (музеи живых культур), химических реактивов и т.д. Множество различных команд прочесывали советские музеи, институты, лаборатории, станции, научный потен-

* М.П. Покровская доехала до Казахстана; в дальнейшем жила в Москве, где создала вакцину от брюшного тифа для детей, занималась лечением туберкулеза. Умерла в 1980 г. и похоронена в Ставрополе рядом с мужем, на старом Даниловском кладбище.

циал которых имел вполне мирное предназначение. Так, команда СС по сбору ботанического материала под руководством молодого ботаника Хайнца Брюхера побывала на всех растениеводческих станциях и в институтах на Украине и в Крыму [6], [7].

Еще более основательно была поставлена работа по «спасению» культурных и научных ценностей в другом специальном подразделении СС — под командованием штурмбанфюрера барона Эберхарда фон Кюнсберга. Три из четырех батальонов Кюнсберга действовали на территории СССР. Они находились в непосредственном подчинении министерства иностранных дел (т.е. И.Риббентропа) и были укомплектованы первоклассными специалистами в своих областях. Так, например, заместитель директора упомянутой выше секции внешней политики Врачебной палаты рейха Хельмут Хаболд (Helmut Haubold) служил в одной из зондеркоманд и собирал всю возможную информацию о достижениях советского здравоохранения.

О том, что целенаправленные поиски и вывоз научных ресурсов из СССР были четко сформулированной политикой гитлеровского руководства, лишний раз свидетельствует недавно обнаруженная и опубликованная «Картотека «Z» — описание деятельности еще одной мощной структуры — оперативного штаба «Рейхсляйтер Розенберг» [8]. Этот штаб также занимался оценкой, инвентаризацией и вывозом культурных ценностей, в том числе научных, из СССР в Германию. Разветвленная сеть его подразделений охватывала все оккупированные территории СССР. Три главные рабочие группы — «Остланд», «Украина» и присоединившийся к ним с мая 1943 г. «Центр» базировались соответственно в Риге, Киеве и Смоленске; эти группы в свою очередь делились на более мелкие с кон-

Arbeitsamt: Orrel 1

Биржа труда

Eintragung als Schwer- bzw. Schwerstarbeiter- Внесение как тяжело работающий или временно тяжело работающий	S. bzw. Sch.	Meldekarte Nr. <u>15905</u> Явочная карточка №
---	--------------	---

Berufsgruppe: _____
Проф. группа

Name: Saleski

Фамилия: Michail Отчество: Дмитриевич

Имя: _____

Geboren am und wo: 1897 ledig/хол.

Когда и где родился verb./в браке

_____ verw./овдов.

_____ getr. lebend/врозь жив.

Wohnort: Orrel

Место жительства:

Strasse und Hausnummer: Uisko w Moskau, m. Gasse 169

Улица и № дома

Beruf: _____ Beschäftigt als: _____

Профессия: _____ Занят как: _____

Nur beim Haushaltungsvorstand ausfüllen:
Выполнять только при главе семейства:

Zahl- u. Geburtsjahre der Kinder unter 14 Jahren
Числа и годы рождения детей моложе 14 лет

Meldetag: 15.10.43
День ввки

Orrel

Unterschrift: _____

Карточка учета рабочей силы оккупационной Биржи труда в Орле.

кретной географической локализацией действий — «Киев», «Харьков» «Крым» и т.п., а также особые команды («Кавказ», «Курск», «Ростов» и т.д.). Наконец, помимо этих групп, на оккупированные территории СССР время от времени приезжали из Германии научные эксперты из «особых штабов» по направлениям («Архивы», «Наука», «Этнография» и т.п.).

Как и в батальонах Кюнсберга, сотрудниками штаба Розенберга стали немецкие интеллектуалы — от безвестных специалистов до вполне известных и заслуженных университет-

ских профессоров и директоров музеев и архивов. Если первоначально официальной мотивацией их деятельности служила легенда о спасении культурных и научных ценностей от варваров-большевиков, в соответствии с которой следовало прежде всего сохранить и учесть имеющиеся памятники и инфраструктуру советской науки, то с середины войны, когда ее исход стал вполне предсказуем, начался тотальный вывоз библиотек, архивов, коллекций, оборудования. А наряду с этим и специалистов: ученых, техников, преподавателей.

* * *

Орел был захвачен немецко-фашистскими войсками уже 3 октября 1941 г. и удерживался ими до первых чисел августа 1943 г. Более чем за полтора года оккупации жители города вновь пережили трагедию безвыходного и бесправного рабства и унижения, став для оккупационных властей исключительно «рабочей силой». Еще 5 декабря 1941 г. в местной газете «Речь» появился приказ военного коменданта об обязательной регистрации советских граждан на бирже труда, после чего многие из них эшелонами отправлялись на работы в Германию. При отступлении гитлеровцев Орел был объявлен «боевой зоной», покидать которую разрешалось только в западном направлении; все мужчины, теперь уже «военнопленные», также должны были «эвакуироваться в тыл», т.е. опять-таки в Германию.

Приехавший в августе 1943 г. в Орел для расследования нацистских преступлений академик Н.Н.Бурденко был потрясен. «Картины, которые пришлось видеть, — писал он председателю ЦГК Н.М.Швернику, — не только поражали воображение, но они совершенно парализовали мысль и ввергали в оцепенение. Раненые в первый раз видели меня — русского врача и видели сопровождающих меня врачей и могли судить обо мне как начальнике — но я ни на одном лице не видел чувства, — не говорю о радости, — удовольствия. На приветствие: “Здравствуйте, товарищи”, — было угрюмое молчание и на лицах — утомление, равнодушие. Эта ошеломляющая картина заставила меня задуматься — в чем тут дело? Очевидно, эмоция страха и отчаяния пережитых месяцев поставила знак равенства между жизнью и смертью, между волей к свободной жизни и рабством. Я наблюдал три дня людей, перевазывал их, эвакуировал — психо-

логический ступор не менялся. Нечто подобное в первые дни лежало и на лицах врачей и прочих групп орловской интеллигенции» [2; Оп.37. Д.10. Л.30—31].

Тяжелые военные испытания не обошли стороной и семью Залесских. Сразу после вступления немецких войск в Орел в их квартире произошел пожар, и она полностью сгорела. Вместе с квартирой погибли вещи, часть книг и приборы. Только свои рукописи Михаил Дмитриевич успел вынести из дома. 28 февраля 1942 г. скончалась жена Залесского Александра Романовна. А летом 1943 г. в его квартире в Узко-Введенском переулке, где он жил после пожара, появился немецкий офицер (скорее всего он был из штаба Розенберга, так как интересовался лабораторией ученого), приказавший отправить в Берлин все сохранившиеся материалы и научное оборудование (книги, инструменты, препараты и коллекции ископаемых растений и насекомых), а также самого ученого, что и произошло 24 июля 1943 г. По воспоминаниям соседей, Залесский пытался всячески уговорить немцев не увозить его из России, но это был глас вопиющего в пустыне: ему ответили, что есть приказ о его выезде, которому он обязан подчиниться (из письма Н.А.Мацневой от 18 августа 1943 г.) [1; Л.19—19 об.].

16 августа 1943 г. Залесский прибыл в Берлин, где сразу начал работать в Имперском институте исследования почв. Однако несчастья не отпускали ученого: привезенное в Германию оборудование очень скоро, 21 ноября 1943 г., погибло в здании института в новом пожаре, возникшем в результате полета авиации союзников (из письма М.Д.Залесского Е.Ф.Чирковой от 12 июня 1945 г.) [3; Л.451—451 об.]. Как складывалась его работа в германском институте в последующие полтора года, над какими темами работал За-

лесский, с кем из немецких коллег и как взаимодействовал, пока остается неясным. Однако достоверно известно, что после академических ходатайств 1943 г., советские спецслужбы занялись поисками в Германии увезенного члена-корреспондента и к маю 1945 г. он уже находился, по его собственным словам, «среди русских геологов отряда инженерных войск Белорусского фронта, куда меня устроил Александр Кириллович Матвеев, нашедший меня в Берлине» (из письма М.Д.Залесского Е.Ф.Чирковой от 12 июня 1945 г.) [3; Л.451—451 об.].

В это время АН СССР вовсю готовилась к празднованию своего внеочередного юбилея — 220-летнего, — подаренного ей Сталиным. 1 июня Комаров направил цитированную в начале статьи телеграмму о находжении Залесского уполномоченному СНК СССР по делам репатриации граждан СССР генерал-полковнику Ф.И.Голикову и просил ускорить возвращение ученого на родину. «Желательно, — писал президент, — чтобы член-корреспондент М.Д.Залесский мог приехать в Москву к началу юбилейной сессии Академии наук СССР, которая откроется 15 июня 1945 г.» [1; Л.21]. Пожелание президента осталось нереализованным, но принятым во внимание. 14 июля помощник уполномоченного по делам репатриации генерал-майор Ревякин сообщил вице-президенту АН СССР Н.Г.Бруевичу, что им дано указание начальнику Управления репатриации при Военном совете Группы советских оккупационных войск в Германии о возвращении Залесского на родину [1; Л.23], а 24 сентября распоряжением Президиума АН СССР он был уже зачислен старшим научным сотрудником в Палеонтологический институт [1; Л.25]. Несмотря на благополучный исход своей эпопеи, Михаил Дмитриевич так и не смог оправиться от пережитого и через год, 22 декабря 1946 г., скончался.

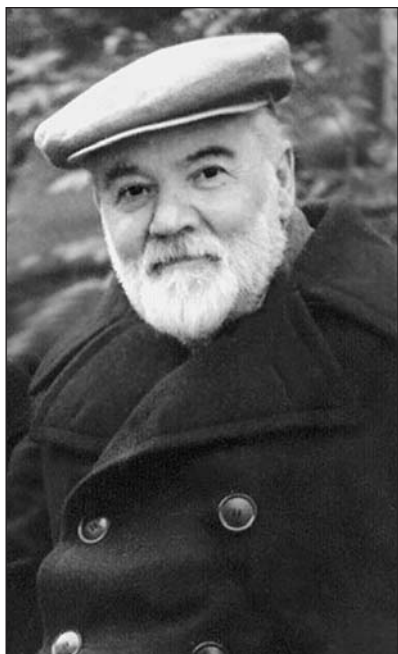
* * *

В отличие от других «возвращенцев», добровольно и осознанно стремившихся на родину или захваченных спецгруппами НКВД, Залесский не был подвергнут никаким репрессиям. Что сыграло в этом свою роль: его высокий научный статус и академическое покровительство, возраст или случившийся «вовремя» уход из жизни — сказать трудно. Одно ясно — в контексте послевоенного сталинского «наведения порядка» в стране «случай Залесского» явно не характерный, это своего рода «история в себе»*.

Судьбы подавляющего большинства отечественных ученых, по тем или иным причинам оказавшихся на оккупированных территориях или во вражеском плену, сложились совсем иначе — страшнее и драматичнее. Несколько примеров. Андрей Николаевич Егунов (1895—1968), филолог-классик, переводчик «Законов» Платона и самобытный писатель, впервые арестованный НКВД еще в 1933 г. и вывезенный немецкими оккупационными властями вместе с семьей из Новгорода в Германию, работал на молокозаводе под Гамбургом и преподавал немецкий язык советским офицерам в Берлине. Здесь он был вновь арестован и осужден на 10 лет лагерей, которые отбывал сначала в берлинской тюрьме, а затем в сибирских и казахстанских лагерях. Только осенью 1956 г. Егунов «вернулся с войны» и стал сотрудником сектора взаимосвязей русской и зарубежной литературы Пушкинского Дома.

Геолог-нефтяник Алексей Алексеевич Аносов (1881—?), подобно Егунову арестованный Северо-Кавказским ОГПУ еще в 1929 г., был осужден на 10 лет

* Правда, можно назвать и некоторые другие аналогичные случаи: так, например, во время оккупации в Крыму оставался литературовед, член-корреспондент АН Вячеслав Евгеньевич Петухов (1863—1948), но его, несомненно, хранил весьма преклонный возраст.

После возвращения из Германии.
Осень 1945 г.

лагерей, которые провел в геологических «шарашках» на Северном Кавказе и в Ухтпечлаге. В июне 1938 г. его снова отправили на Северный Кавказ, в Краснодар. Оказавшись в оккупации, Аносов не стал более искушать судьбу и ушел с немцами на Запад.

Директор Одесской астрономической обсерватории Константин Доримедонтович По-

кровский (1868—1944) во время немецко-румынской оккупации города продолжал, как и многие его коллеги, работать в местных учебных заведениях; в мае 1944 г. 76-летний профессор был арестован, обвинен в измене родине и вскоре скончался в тюрьме №1 УНКВД Киевской области [9].

Наконец, были и другие варианты судьбы, продиктованные осознанным выбором антисоветской позиции. Например, известный историк, сотрудник Всеукраинской академии наук Александр Петрович Оглоблин (1899—1992), во время фашистской оккупации стал главой городской управы в Киеве, а затем жил и работал в Германии и США.

Не только отдельные ученые, но и целые научные отделы, лаборатории, станции насильно вывозились фашистами или добровольно уезжали — фактически бежали от сталинизма — в Германию, а после поражения нацизма часто оказывались и далее, за океаном. В СССР все они — без разбора — получали клеймо «враг народа», однако многое из того, что раньше просто и однозначно трактовалось как измена Родине или коллаборационизм, теперь нередко интерпретируется совсем иначе — как стремление «жертв двух диктатур» (П.Полян) сохранить человеческое достоинство или да-

же как попытки противостояния сталинскому тоталитаризму.

Подлинная социальная история отечественной науки в годы второй мировой войны еще ждет своих исследователей. Здесь отмечу только то, что одним из важнейших следствий этой войны стало рождение беспрецедентного по масштабам феномена: «перемещенная / исчезнувшая / рассеянная наука» («Displaced / Disappeared / Dispersed Science»). Изначально вызванное перекраиванием всей политической карты Европы, это явление вылилось как в перемещение научных ресурсов, так и в жесткую борьбу властных и разведывательных структур различных государств за контроль над интеллектуальными научными ресурсами — учеными, лабораториями и институтами. Парадоксальным и непредвиденным результатом слома прежнего порядка стала глобальная интернационализация самого научного сообщества и значительное повышение его роли межкультурного посредника.

Однако для советских ученых «железный занавес» идеологического противостояния во времена холодной войны оказался куда менее проницаемым, чем в кровавые 30-е или «сороковые-роковые» (Д.Самойлов). Но это уже другая тема. ■

Литература

1. АРАН. Ф.411. Оп.4а. Д.36 (личное дело М.Д.Залесского).
2. ГАРФ. Ф.Р-7021.
3. АРАН. Ф.1663. Оп.1. Д.105.
4. Беликов Г. Оккупация. Ставрополь. Август 1942 — январь 1943. Ставрополь, 1998. С.106—108.
5. ГАРФ. Ф.Р-7317. Оп.56. Д.21. Л.20.
6. Хосфельд Уве. Захват немецкими фашистами генного материала вавилонских институтов в 1943 году // На переломе: Отечественная наука в первой половине XX века. Вып. 2. СПб., 1999. С.247.
7. Flitner M. Sammler, Räuber und Gelehrte: die politischen Interessen an pflanzengenetischen Ressourcen 1895—1995. Frankfurt a. M.; N.Y., 1995.
8. Картотека «Z» оперативного штаба «Рейхсляйтер Розенберг». Ценности культуры на оккупированных территориях России, Украины и Белоруссии. 1941—1942 / Изд. подг. М.А.Бойцовым и Т.А.Васильевой. М., 1998.
9. Смирнов В.А., Чуприна Р.И. Последние дни профессора К.Д.Покровского // Природа. 1994. №11. С.126—128.